

УДК 7.011, 7.049.1, 76.01, 77, 778.85
 DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-417-425
 EDN: FJHKSQ
<https://elibrary.ru/fjhksq>

«ВЕЛИКИЙ НЕВРОЗ» В ИСКУССТВЕ ФРАНЦИИ. ОБЗОР КНИГИ Д.О. МАРТЫНОВОЙ

Мария А. Лопаткина

*Российский государственный педагогический университет имени
 А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, lopatkina-m@inbox.ru*

Аннотация

Рецензия знакомит с монографией Д.О. Мартыновой «„Великий невроз“ в искусстве Франции второй половины XIX века». Автор исследует патологический дискурс и феномен истерии, анализируя влияние этой медицинской проблемы на французское изобразительное искусство XIX столетия. В своей работе Д.О. Мартынова прослеживает историю психиатрии и показывает ее отражение в творчестве Тони Робера-Флери, Огюста Родена, Фелисьена Ропса, Анри де Тулуз-Лотрека и других мастеров.

Ключевые слова: невроз, истерия, патология в искусстве, фотография, Жан-Мартен Шарко, «Фотографическая иконография Сальпетриера»

Для цитирования: Лопаткина М.А. «Великий невроз» в искусстве Франции. Обзор книги Д.О. Мартыновой // Academia. 2026. № 2. С. 417–425. DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-417-425

THE GREAT NEUROSIS IN FRANCE ART: A REVIEW OF DARYA MARTYNOVA

Maria A. Lopatkina

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
 St Petersburg, Russia, lopatkina-m@inbox.ru*

Abstract

The review introduces the monograph by Darya Martynova, titled “*The Great Neurosis in France Art of the second half of the 19th century*”. The author explores pathological discourse and the phenomenon of hysteria, analyzing the impact of this medical issue on 19th-century French visual arts. In her study, Darya Martynova traces the history of psychiatry and demonstrates how it was reflected in the work of Tony Robert-Fleury, Auguste Rodin, Félicien Rops, Henri de Toulouse-Lautrec, and other masters.

Keywords: neurosis, hysteria, pathology in art, photography, Jean-Martin Charcot, Salpêtrière

For citation: Lopatkina, M.A. (2025), “*The Great neurosis in France Art: A Review of Darya Martynova*”, *Academia*, 2026, no 2, pp. 417–425. DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-417-425

Монография Дарьи Олеговны Мартыновой «Великий невроз» в искусстве Франции второй половины XIX века» стала масштабным исследованием на стыке патологического дискурса и визуальной культуры (ил. 1). Автор анализирует малоизученные биографии и художественные методы ряда мастеров, стремясь раскрыть это актуальное явление. Книга посвящена иконографическому анализу визуальных маркеров истерии в искусстве того времени. Сама «истерия» рассматривается как заболевание со строго определенным набором телесных проявлений, который воспроизводился на протяжении Нового и Новейшего времени и до сих пор актуализируется в периоды социальных кризисов. В иконографии эти симптомы выражаются через экспрессивные изогнутые позы, телесные арки и меланхолию — эти и другие маркеры подробно исследует Д. О. Мартынова.

Тема патологии в искусстве и прежде становилась объектом исследования. Однако Мартынова впервые проводит целостный, всесторонний анализ конкретного девиационного образа — истерии, прослеживая эволюцию представлений об этом феномене и его иконографию в искусстве. Эта монография первое в отечественном искусствознании комплексное исследование невротических поз и жестов в визуальной культуре Франции XIX века. Исследование опирается на архивные материалы и визуальные источники, собранные в России и Франции. В их числе — фонды Национальной библиотеки Франции и музея Шарко в Париже, Новой глиптотеки Карлсберга в Копенгагене и музея Фелисьена Ропса в Намюре. Важной частью источниковедческой базы стали эпистолярные материалы (в том числе ранее неопубликованные) художников, писателей и поэтов XIX–XX веков. Особое значение при сборе материала имело обращение автора к новой методологии. Этот подход опирается на метод ретроспективный

Ил. 1. Обложка книги Д. О. Мартыновой «Великий невроз» в искусстве Франции второй половины XIX века. 2024.

психиатрии и концепцию нейромимезиса — копирования и воспроизведения образов «бесноватых» из произведений старых мастеров. Автор анализирует формирование «истерического архива», прослеживая эволюцию визуальных репрезентаций: от трактовки истерических поз как признака бесноватости до их интеграции в медицинский дискурс XVIII столетия и последующего накопления иконографического материала вплоть до XX века. Автор рассматривает этот процесс сквозь призму цикличности патологического образа. Такой подход позволяет по-новому интерпретировать искусство и актуализировать подобные девиантные образы.

Важным в исследовании оказалось определение предпосылок для появления невротической иконографии. Отмечается, что на ранних этапах медицина не обладала инструментами для выявления конкретной симптоматики невроза, поскольку заболевание зарождалось и развивалось латентно, долгое время оно воспринималось как феномен, лежащий за гранью человеческого сознания. Это порождало многочисленные мифы о происхождении болезни; в частности, долгое время истерия воспринималась как знак дьявольского вмешательства (или «метка дьявола»). Именно невозможность визуализировать изменения психики и стало поводом для детального изучения сознания в XIX веке.

Работа направлена не только на историческое рассмотрение истерической визуальности, но и появление новых феминных иконографических положений, а также то, как медицинская иконография и патологическая эстетика оказывает влияние на социально-культурное положение женщины и современное искусство. Исследование начинается с анализа исторической справки заболевания и первых авторов, обращавшихся к анализу симптоматики невроза. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой именно женщина в большей степени подвержена эмоциональной лабильности и психической нестабильности, склонна к меланхолии и проявлениям истерии. В ходе анализа монография убедительно подтверждает тезис о глубокой стигматизации женской роли в культуре рассматриваемой эпохи. Автор обращается к идее Гиппократов о дисбалансе гуморов (сочетания четырех жизненных жидкостей: флегмы, крови, желтой и черной желчи) и к его идее о том, что истерические проявления обусловлены сексуальной пассивностью. Дается представление о всевозможных интерпретациях женского безумия и методах его лечения с древности до рассматриваемого периода.

Д. О. Мартынова пишет, что из-за поддержания интереса к «болезни» истерия стала повсеместной и проявилась в разных странах под разными названиями, но с коррелирующим набором визуальных маркеров: коллективизм, хаотичные движения, судороги, бессвязная речь и другие. В Средние века отсутствие четкого понимания природы и методов лечения этого недуга привело к «охоте на ведьм» и поиску религиозно-мистических (дьявольских) первопричин заболевания.

Растущий интерес к мистическому спровоцировал в XIX веке период активного развития литературного процесса, появления новых направлений и значимых произведений, а также и фотографии на эту тему, развивалась и научная психиатрия. Благодаря быстрому развитию культуры и технологий, художественная парадигма тоже подверглась изменениям. Деятнадцатое столетие стало эпохой, когда пристальный интерес к человеческой личности и ментальной норме прослеживался в творчестве многих французских писателей: Эмиля Золя, Гюстава Флобера, Оноре де Бальзака, братьев Гонкуров и других.

Первая глава посвящена этимологии названия книги. Понятие «великий невроз» отсылает к теории психиатра Жана-Мартена Шарко (1825–1893), исследовавшего феномен истерии — одного из самых неоднозначных явлений в истории медицины. Автор пишет о том, что, изменив средневековую концепцию демонизации женщин, «Франция времен Шарко» позволила взглянуть на проблему с медицинской точки зрения, обозначая «великую болезнь века». «Новые» врачи сняли оковы с пациентов и «вступили» с ними в диалог. Обращение Ж.-М. Шарко к иконографии истерического тела способствовало исследованию этого явления

Ил. 2. Неизвестный автор. В месмеризме все черти. 1780-е гг. Эстамп. Фонд эстампов Национальной библиотеки Франции, Париж.

с медицинской точки зрения и популяризации этой темы в изобразительном искусстве Франции.

Автор отмечает, что первым, кто обратился к исследованию мономаний, стал врач Жан-Этьен-Доменик Эскироль. Совместно с французским графиком Жоржем-Франсуа-Мари Габриэлем он создал первый физиогномический альбом пациентов больницы Сальпетриер, стремясь классифицировать и упорядочить визуальные проявления психических расстройств. Доктор Шарко стал продолжателем «большого» исследования, в котором вместе с художником Полем Рише, создал ряд искусствоведческих работ. В них врач стремился продемонстрировать влияние истерии на живопись старых мастеров. В связи с невозможностью маркировать душевнобольных по анатомической индивидуальности, автор исследует работы Шарко, чтобы обозначить важность создания «иконографии безумия» для дальнейшего определения душевного расстройства по мимическим и телесным изменениям. Именно иная телесность формирует своеобразный алфавит «одержимости», который начиная с 1850-х годов стал активно документироваться с помощью фотографии. Благодаря ряду изобретений Шарко и Рише истерия стала набором «телесной поэтики» и «языка жестов», что в дальнейшем будет культивироваться среди паттернов последующих эпох.

В связи с постоянным дисбалансом положения женщины в «мужском мире» Нового времени истерия стала имитацией любых органических заболеваний. В отдельном параграфе автор анализирует месмеризм (ил. 2) — теорию немецкого врача и астролога Франца Антона Месмера, выдвинутую во второй половине XVIII века. Эта концепция предполагала групповое лечение пациентов путем активации «магнитных флюидов» при их погружении в специальную «ванну Месмера». Благодаря театрализованным практикам месмерические сеансы были проиллюстрированы рядом художников и показаны как приемы лечения ментальных расстройств (ил. 3). Мартынова детально исследует историю становления месмеризма, связанные с ним дискуссии и изобразительные источники, фиксирующие эту практику. Вскоре месмеризм начали приравнивать к оккультизму и гипнозу, поскольку к XIX столетию психиатрия окончательно утвердилась в качестве самостоятельной области медицинской науки. Тем самым, автор интерпретирует работы художников как свидетельство их причастности к «истерическому» архиву, а самого врача изображает карикатурно — как шарлатана.

Ил. 3. Клод-Луи Дерет. Месмерическая терапия. 1778–1784. Холст, масло. Музей Велком, Лондон.

Исследователь анализирует феномен публичных медицинских сеансов, в ходе которых пациенты через театрализованные демонстрировали симптомы неврологических расстройств. В «амфитеатре Шарко» эти проявления принимали форму искусственно созданных «телесных конструктов» умалишенных (ил. 4). Эти проявления представляют оммаж драматическим позам античности, Леонардо да Винчи и другим мастерам. Несколько параграфов книги посвящены фотоархиву Сальпетриер и изобретениям Шарко. Благодаря этому читатель может проследить переход от донаучного восприятия невротических расстройств к их всестороннему анализу, поиску методов лечения и популяризации медицинских знаний через художественную иконографию. Таким образом, во Франции эпохи Шарко девиантное поведение постепенно перестало восприниматься как следствие дьявольского вмешательства. Это, в свою очередь, спровоцировало конфликт между церковными институтами и зарождающейся психиатрией. И привело к социокультурному феномену увлечения истерией, что впервые было рассмотрено в отечественном искусствознании.

Вторая глава продолжает тему медицинских портретов из больницы Сальпетриер в искусстве и психиатрии, но через новый медиум XIX века — фотографию. Автор обращается к графическому методу Этьена-Жюля Маре, который заключался в использовании хронофотографии как объективного свидетельства телесных изменений в процессе припадка. Благодаря этому искусство фотографии получило междисциплинарный аспект, образовав отдельное направление — «медицинский портрет». Д. О. Мартынова опирается на труды ученых, чтобы определить развитие «медицинского портрета». Так в монографии появляется информация о развитии стереотипизации внешности человека, синоптических таблиц и иных исследований, связанных с поиском активных мимических особенностей и поведенческих паттернов, присущих душевнобольным. Они способствуют верификации безумцев в изобразительном искусстве, собранной в «Фотографическую иконографию Сальпетриер» из нескольких томов. Автор детально рассматривает «ломанные» и арочные позы, экстаз, «клоунство», искаженную мимику-гримасу, скрученные вытянутые руки и пальцы, гипертрофированные конечности, образы спящих пациентов и другую иконографию. Поскольку многие деятели считали фотографию отражением чистой

Ил. 4. Пьер-Андре Бруйе. Лекция доктора Шарко в Сальпетриер. 1887. Холст, масло. Музей медицинского факультета Университета Париж Декарт, Париж.

объективности, визуализация «болезни» тоже стала свидетельством истины заболевания. Однако создана эта «истина» была синтетическими методами, в том числе с помощью электрических импульсов тел, тонирования фотографий и других, которые подробно рассмотрены в первых двух параграфах второй главы.

Важным стало рассмотрение в финале второй главы роли Альбера Лонда для фотографии и психиатрии, занимавшего должность директора фотографической службы больницы Сальпетриер. Он разработал специальную камеру с 12 объективами, способную запечатлеть движение человека и животного в последовательности через увеличенную длительность выдержки, например, эпилептический припадок мог быть зафиксирован поэтапно. Использование фототехники для фиксации синтетически выстроенных поз пациентов способствовало широкому тиражированию данного феномена посредством историко-искусствоведческих и медицинских исследований в журнале «Новая иконография Сальпетриер». Д.О. Мартынова подробно рассматривает этот исторически важный для медицины этап, который отражает заинтересованность Сальпетриер как в классификации психопатологических проявлений, так и в развитии изобразительного искусства и пластики (Рише создавал имитации патологических поз в воске и других материалах).

Ценность третьей главы заключается в подборе произведений искусства, интерпретирующих невроз из «театра Сальпетриер». Это, прежде всего, произведения, в которых проявляются типичные для истерии ракурсы и позы (истерическая арка, припадок, меланхоличная отрешенность и т. д.). Рассматриваются иллюстрации Шарля Поля Ренуара, Даниэля Вьержа, Армана Готье, Тони Робера-Флери, Пьера-Андре Бруйе и других авторов. Изображая как деятелей медицины (Ж.М. Шарко и П. Рише), так и их пациентов, они зачастую придавали своим работам сатирический оттенок. Ярким примером служит работа Тони Робера-Флери «Доктор Филипп Пинель освобождает от оков психически больных в больнице Сальпетриер в 1795 году» (1878) (ил. 5). В этой картине отчетливо прослеживаются истерическая морфология, публичная демонстрация обнаженного женского тела и подчеркнутая инаковость пациентки. С одной стороны, подобная репрезентация стигматизировала сам феномен безумия, но с другой — демонстрировала медицинский «контроль» над болезнью. Автор подробно анализирует французскую графику своего времени и выявляет художественные образы, коррелирующие с медицинскими практиками той эпохи, в частности «Балу сумасшедших».

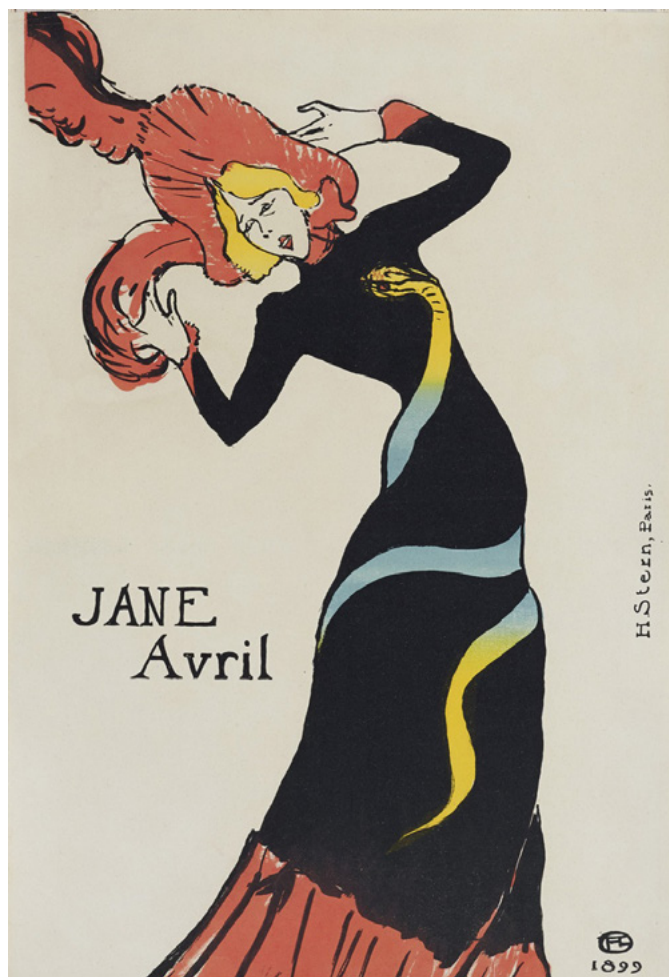
Ил. 5. Тони Робер-Флери. Доктор Филипп Пинель освобождает от оков психически больных в больнице Сальпетриер в 1795 году. 1876. Холст, масло. Больница Сальпетриер, Париж.

Творчество Огюста Родена, Фелисьена Ропса и Анри Тулуз-Лотрека также вошло в фокус внимания автора. В частности, Д.О. Мартынова опирается на труды таких исследователей, как Барбара Ларсон, Джудит Кладель, Наташа Руиз-Гомез, посвятивших феномену Родена фундаментальные научные работы. В них автор настоящей монографии находит подтверждение связи Родена с Шарко, выделяя в произведениях скульптора — в монументальном рельефе «Врата ада» (1880–1917), выраженную истерическую симптоматику. Эта работа — подлинный «алфавит невроза». Ключевыми выразительными средствами и методами здесь становятся неровная, фактурная поверхность скульптуры, прерывистость и контурность линий.

Творчество Фелисьена Ропса и Анри де Тулуз-Лотрека также развивало и переосмысляло медицинский дискурс эпохи. Обращаясь к репрезентации феминности, они черпали вдохновение в знаменитом издании «Фотографическая иконография Сальпетриер». Д.О. Мартынова обратилась к нескольким циклам рисунков Ропса, в которых он сочетал тему сексуальности, колдовства и истерии — в том числе в рамках созданного им образа «дочерей Евы». Художник стремился отождествить женственность с грехопадением, трактуя поступок Евы как патологический союз со змеем. Через эротизированные образы Ропс демонизировал «сатанинскую» природу женщины, представляя ее в различных ипостасях — в частности, как проститутку или объект вуайеризма.

В отличие от Ропса, Анри де Тулуз-Лотрек адаптирует медицинскую иконографию к контексту парижских увеселительных заведений — кабаре и кафешантанов, что оказало глубокое влияние на изобразительное искусство той эпохи. Исследуется как театральные постановки в подобных заведениях способствовали широкой популяризации физиогномики безумия, и прослеживается проявление витальной энергии в развлекательной среде. Кроме того, автор анализирует патологическую семантику этих образов как отражение социокультурного феномена Парижа конца позапрошлого века, обращаясь к визуальным источникам, где запечатлены танцы с элементами бессознательного импульса, напоминающего эпилептический припадок (ил. 6). Все это способствовало формированию особого «закрытого» языка жестов, который воспринимался современниками как манифест свободы самовыражения.

Пристальное внимание уделяется произведениям Жюль Бастьен-Лепаж, Жака Луазеля, Жана Вебера, Сары Бернар и других художников. В их наследии автор выявляет образы литературных и исторических персонажей, наделенных

Ил. 6. Анри де Тулуз-Лотрек. Джейн Авриль. 1899. Литография. Музей современного искусства, Нью-Йорк.

иконографией ментальных расстройств. Подобная визуализация лишь усиливает существовавшую в культуре стигматизацию таких личностей как Офелия, Саломея и Жанна д'Арк.

«Великий невроз» Д.О. Мартыновой это значимый вклад, поскольку автор опирается на труды тех, кто изучал истоки глубокого интереса художников к патологической иконографии вплоть до 2000-х годов. В отечественном искусствоведении этот феномен «истерических вспышек» ранее не рассматривался как предпосылка для формирования новых художественных паттернов. Синтез философских, искусствоведческих и медицинских подходов, осуществленный Д.О. Мартыновой, позволяет раскрыть истерию как конструкт – социально навязанный ярлык, сводивший природу заболеваний к гендерной идентичности.

Важным итогом становится вывод о том, что в контексте рубежа XIX–XX веков патологическая симптоматика не являлась прямым цитированием «театра Сальпетриер», а выступала метафорой состояния современного общества.

Литература

1. Мартынова 2024 — Мартынова Д.О. «Великий невроз» в искусстве Франции второй половины XIX века. СПб.: Алетейя, 2024. 286 с.

References

1. Martynova, D.O. (2024), *Veliky nevroz v iskusstve Frantsii vtoroi poloviny XIX veka* [Great Neurosis in the heart of France in the second half of the 19th century], Aleteya, St Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Мария А. Лопаткина, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, Наб. реки Мойки, д. 48; lopatkina-m@inbox.ru

Author Info

Maria A. Lopatkina, Herzen State Pedagogical University, St Petersburg, Russia; 48 Moika River Embankment, 191186 St Petersburg, Russia; lopatkina-m@inbox.ru